

Остров Назинский.

Мой старый друг, Андрей Карагодин, тихо угасал у себя дома. Его "дождал" рак легких. Он знал, что до "финиша" подать рукой, относился к этому спокойно, философски, и только жену временами просил не говорить на эту тему. В одно из моих посещений он достал из под подушки тетрадь, протянул ее мне и сказал:

"Возьми, пожалуйста, дарю тебе. Почитай. Подумай: может теперь как раз время пустить этого "голубя" в свет, на волю. Двадцать пять лет пролежал он под подушкой. Просился на волю, да не мог я въевшегося в душу страха перебороть. А теперь мне бояться нечего. Все равно через неделю-другую концы отдам. Написал я все это после того, как прочитал "Один день Ивана Денисовича" Солженицына. Все читали и ахали: "Ах, что было! Ах, какой кошмар!" А я подума: "Разве к то кошмар? То детский лепет. Не видал ваш Солженицын настоящего кошмара"...

Разозлился и написал. Перед смертью клянусь тебе, что я ничего не выдумал. Все это я или своими глазами видел, или своими ушами слышал, не от "одной бабы", а из первоисточника. Может только чего-то не знал, что-то забыл, потому что было это очень давно, в 1933 году. А может в 1932. Не вспомню точно. Но ведь это дела не меняет".

После некоторой литературной обработки рукопись друга предлагаю читателям.

I.

В самом северном районе Томской области, в райцентр Александро-Вахово, в 1931 году была создана "Александро-Ваховская Участковая комендатура". Штат ее был невелик, человек сорок вместе с бухгалтерией. Задача комендатуры — опекать сосланных сюда на вечное поселение раскулаченных во время коллективизации, так называемых "спец-переселенцев", а короче — "спецов". Чтобы они не разъехались, чтобы помочь им прижиться навечно в этом непривычно суровом краю.

Будучи высланы со всеми семьями, "спецы" и не пытались бежать. Они дружно, умело и быстро строили себе села в отведенных местах, осваивали новые виды хозяйствования и больших хлопот комендатуре не доставляли. Было этих "спецов" немного, тысячи три, расселили их в четырех новых селах, что сами построили.

В конце апреля 1933 года комендант Цепков собрал всех своих подчиненных и глухим голосом пожилого человека обратился к ним:

"Товарищи! Я получил телеграмму из Управления Сиблага. Слушайте внимательно: "Александрово-Ваховская Учкомендатура Цепиву Ваше распоряжение направляется караваном барж три тысячи бывших заключенных для отбытия срока ссылки обеспечьте прием и размещение БАЛАН".

Воцарилось гнетущее молчание. Грузный, с тяжелым свинцовым взглядом, комендант тихо и глухо сказал:

"Я прошу высказаться, что будем делать".

Мый шеф, начальник отдела учета Киселев, сверкнув раскосыми глазами на скуластом, выразительном лице, воскричал:

"Они что, слурели там, в Новосибирске? Куда мы их примем? Три тысячи! Да у нас же нет никакого жилого фонда! А чем кормить? Положим, есть мука, а где хлеб выпекать? В районе же нет ни одной пекарни. И наши спецы, и старожилы хлеб пекут сами, дома. Это безумие! Не можем мы их принять!" Киселева поддержали еще несколько человек. Комендант слушал молча. Потом сказал:

"Я решил немедленно послать в Сиблаг телеграмму:

Принять ссыльных не представляется возможным отсутствием материальных условий Ценков".

Все дружно загудели: "Правильно, товарищ комендант! Правильно!"

А вчером того же дня комендант получил ответ на свою телеграмму:

"Три тысячи отбыли ваше распоряжение через неделю встречайте еще три БАЛАН".

2.

Наутро комендант вновь собрал коллектив комендатуры, ознакомил его со второй телеграммой и попросил высказать соображения - где разместить прибывающих. Все единодушно высказались, что ни в одном населенном пункте их размещать нельзя. Это привело бы к непредсказуемым последствиям. Три тысячи голодных людей дезорганизовали бы всю жизнь и коренных жителей, старожилов, и спецпереселенцев. После долгих обсуждений решили принимать прибывающий контингент на остров Назинский. В семидесяти километрах от Александрово, вверх по течению Оби, на высоком правом берегу, стоит село Назино. Против села остров, длиной километра полтора и шириной около полукилометра. Разделенная пополам Обь с каждой стороны острова шириной не менее километра. Не каждый рискнет бежать в лагерь. На острове есть старый осинник, реденький, а по берегам - густой тальник. Выгрузить на остров несколько десятков тонн муки, укрыть брезентом, поставить караул и выдавать каждому полкило муки в день. Тем временем в Назино срочно

начать строить пекарню. Ничего более разумного придумать не могли.

3.

Киселеву под шестьдесят, а мне девятнадцать. Мы с ним Отдел учета. Тридцатого апреля Владимир Андреевич, едва перешагнув через порог кабинета, изрек:

"Ну, сынок, собирайся. Через пару часов в Назино идет наш катер "Быстрый". Едет группа приема под началом замкоменданта Богданова. Отдел учета будешь представлять ты. Все учетные карточки сверить с личностями, неподтвержденных карточек, "мертвых душ", не принимать".

К часу дня мы были в Назино. А вскоре буксир притащил караван из нескольких огромных барж, под завязку набитых людьми. Караван причалил к острову, началась высадка. Она продолжалась до позднего вечера, так как сверка людей с документами шла довольно медленно. Почти все — мужчины, возрастом далеко за тридцать, с землистого цвета лицами, тусклым взглядом, обтрепанные, без всякого имущества. Лишь изредка на поясе висел котелок или кружка. Пройдя сверху, люди разбредались по острову, знакомились с новым местом жительства, подыскивали место для ночлега. Вечер был теплый, блаженный. Все мы, сотрудники комендатуры, оставив на острове караул, переехали на катере в село Назино и разместились на ночевку в местной школе.

4.

Утром первого мая я проснулся первым, потому что яркий солнечный луч бил мне прямо в глаза. Встал, подошел к окну, выглянул на улицу и сразу замурился. Все село, берег реки, остров посередине Оби, — все было укрыто толстым слоем снега и нестерпимо сверкало под лучами яркого весеннего солнца. Крепко устав за прошедший день, я проспал сном праведника и не слышал, как гудел всю ночь штормовой ветер и валил сплошной лавиной мягкий, влажный снег. Теперь все стихло, небо синело девственной чистотой, панорама виделась редкостная для первого мая. Но... Каково теперь нашим "гостям" на острове? Ведь они проводили ночь под открытым небом! Там же нет ни единой постройки... Только палатка для караула.

Проснулся замкоменданта Богданов, разбудил всех остальных, мы наскоро позавтракали каждый своими запасами и поехали на остров. Снегу выпало почти в колено. Под лучами майского солнца он быстро наливался влагой, на земле оседал, а с деревьев обрушивался мокрыми комьями. Наши ссыльные вылезали из-под снега

почти насквозь мокрые. Немного суше были те, кто успел захватить место под кронами старых осин. Люди отряхивались, пожевались, подставляли наиболее мокрые места теплым лучам солнца. От них валил пар. Они постепенно собирались к палатке караула, рядом с которой лежал большой штабель из мешков с мукой, предусмотрительно укрытый брезентом.

5.

Чтобы в Назино построить пекарню, надо было сначала построить хоть самый примитивный кирпичный завод. Все это требовало времени, и немалого. А кормить людей надо сейчас. Богданов посылает двух вахтеров обойти остров и всех собрать к складу муки. Минут через пятнадцать толпа мокрых и калких людей разноголосно приглушенно жужжала, прижимаясь друг к другу, в надежде скорее согреться. Богданов, и без того непомерно высокий, взобрался на пенек, и толпа быстро стихла. Все ждали, что скажет начальник, чем порадуется. И он сказал:

"Граждане смышленые! У нас нет для вас килья. Нет ни столовой, ни пекарни. Когда-то будет, а пока жить будете здесь, на острове Назинском. Обустраивайтесь, кто как может. А с питанием так: каждое утро с восьми часов строиться в очередь к складу, каждый получает полкило муки и — до завтра. И не вздумайте получить два раза. Замечу — пристрелю на месте. А сейчас — в очередь — становись!"

Толпа поспешно стала строиться в очередь. Первые уже начали получать. Кладовщик из развязанного мешка зачерпывал поллитровой кружкой муку, досточкой смахивал в мешок все, что было выше краев кружки, и высыпал очередному. Во что? У кого что было. Изредка в котелок, или в такую же алюминиевую кружку. Это счастливчики. Можно баланду сварить. В шанку или в фуражку — тоже неплохо. Но у многих не было ни посуды, ни головных уборов. Такой бедолага подставлял полу пиджака или пальто. Очередь двигалась быстро. Те, у кого не было посуды, сразу шли к берегу; пристраивались поближе к воде, кто как мог — заправляли муку в рот и горстью воды запивали ее. За несколько минут вся мука была в желудке и запита речной водой, мутной и холодной.

6.

Через неделю пришел еще один караван со смышлеными. Еще три тысячи. Их так же высадили на остров. Остров стал похож на огромный муравейник, потому что он кишел людьми. Поскольку не было туалета, справлялись кто где хотел, оттого воздух был изрядно

насыщен зловонием. Началась эпидемия дизентерии. Из комендатуры прислали фельдшера Кувшинова, поставили для его "медпункта" палатку рядом с палаткой караула. Чтобы как-то разгрузить остров, людей наиболее здоровых и крепких стали эвакуировать. Грузили на малую барку человек двести, мешков пятьдесят муки, топоры, лопаты, пилы, гвозди и одного вахтера. Катер "Быстрый" брал барку на буксир и вез в какой либо из притоков Оби, — небольшую таежную речку. Увозил километров за сто, высаживал людей на берег, в первобытную тайгу, и вахтер говорил:

"Вот вам новая родина. Вот топоры и пилы, Вот лес бесплатно и без нормы. Пилите, рубите, стройте себе дома, готовьтесь к зимовке. Благо до зимы еще есть времечко".

Вахтер с людьми и мукой оставались, а катер с баркой возвращался назад, чтобы вывезти очередную партию в какую-нибудь другую речку или в эту же, но еще подальше. Эвакуация шла медленно, а эпидемия разгоралась бурно. Фельдшер валился с ног, чуть не круглые сутки принимал больных. Люди начали умирать. В комендатуру полетели донесения Кувшинова и Богданова: лекарства кончаются. Смертность катастрофически растет. Если сначала умирало по 4-5 человек в день, то теперь уже по 40-50 человек. Срочно нужны лекарства, срочно надо ускорить эвакуацию. Остров предельно инфицирован". Комендант Цепков бомбил телеграммами Управление Сиблага в Новосибирске, требуя или срочной или радикальной помощи, или эвакуации людей куда угодно в другое место. Сиблаг отмалчивался.

7.

Комендатура размещалась в деревянном здании барачного типа, наскоро построенном специально для этой цели. Большинство "кабинетов" отделялись друг от друга не капитальной стеной, а тессовой перегородкой. Если в одном кабинете говорят не очень тихо, то в соседнем все слышно. Как-то в начале июля я пришел на работу с небольшим опозданием. Мой шеф посмотрел на меня с укоризной и сказал тихонько:

"Сынок, будем говорить только шепотом. В соседней комнате разместилась комиссия из Сиблага. Надо прислушаться, может услышим чтонибудь интересное".

Чуть позже я узнал, что комиссия уехала на остров Назинский, и два дня в соседней комнате была тишина. На третий день Киселев приболел и на работу не пришел. Я был один. Перед концом рабочего дня в соседнюю комнату вошло несколько человек. Сближенный

голос сказал: "Садитесь!" И начался допрос. Я сразу же понял, что допрашивают кого-то из тех, кто жил на острове.

"Скажите, Гвоздев, это правда, что вы выбивали зубы больным и умирающим?" "Правда".

"Зачем?" "Чтобы добыть золотые коронки".

"Зачем?" "Променять на махру. Курить же хочется. А у вахтеров за какую коронку можно было бы получить спичечную коробку или целых две газеты, чтоб цигарки крутить".

"Так... И много вы навывивали зубов?"

"Сколько надо, столько и навывивал. В зачаку не складывал. Все менял на махру, сам курил и друзей угощал".

"Ясно. А теперь вы, Углов. Это правда, что вы ели человеческое мясо?" "Не, неправда. Я ел только печонку и сердце".

"Расскажите, как вы это делали, подробно".

"Очень просто. Как шашлык делают. Из ивовых прутиков делал шампурчики, нарезал кусочками, нанизывал на шампурчики и поджаривал на костерке".

"А у каких людей вы добывали себе мясо? У живых или у мертвых?" "Зачем же у мертвых. Это ж падаль. Я выбирал таких, что уже не живые; но еще и не мертвые. Видно же, что доходит, через день-два все равно дуба даст. Так ему ж легче умереть будет... Сейчас. Сразу, не мучиться еще два-три дня".

"Какая же вы скотина, Углов! Ведь самые дикие людоеды во всем мире перестали уже человечину жрать, а вы же культурный человек, десять классов окончили!"

"Ха! Людоеды... Так они где живут? На островах Тихого океана! У них и кокосы, бананы и ананасы. А вот на наш Назинский бы их загнать, — поглядел бы я. Не то что сердце да печонку, и все кишки пожрали бы с потрохами".

"Ну что ж. Дело ясное. Еще по доброму сроку склопочете. Придется вас везти в Новосибирск, на "переаттестацию".

Оба ссыльных наперебой радостно загалдели:

"Ото добрэ! Нахай еще срок! Там хоть крыша над головой, и баланду вареную дают, а не муку с речной водою. Спасибо начальник, уважил. А то ведь здесь рано или поздно загнулись бы..."

Потом привели каких-то других. Начали их допрашивать. Но рабочий день у меня кончился, через час я обещал встретиться со своей девушкой, а потому не стал подслушивать допрос новых подсудимых.

них. На другой и на третий день в соседнем кабинете допрашивали все новых и новых. Мы с Киселевым уже перестали особо прислушиваться, слушали между делом, в полуха. Их ужасные "дела" мало чем отличались от вышеописанных. Через неделю комиссия всех последственных погрузила на рейсовый пароход и вместе с ними отбыла в Новосибирск.

8.

В конце июля из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Наконец, Сиблаг решил эвакуировать наших гостей. И с острова Назинского, и со всех поселков, что были разбросаны по речкам. Половина назинцев не могли своим ходом пройти на баржу, — так они были больны или просто измождены. Их несли на носилках и складывали рядом в трюмах барж. Катер "Быстрый" на малых баржах или больших лодках привозил людей с поселков, более крепких, все были на ногах, но в каждом поселке многих не досчитывались. Они бежали. Бежать было запросто: один вахтер на поселок, кругом тайга. Доведенные до отчаяния и питанием, и бесперспективностью своего положения, они покидали поселки и уходили куда глаза глядят. Не думаю, чтобы кому-то из них удалось выйти к железной дороге "Москва-Владивосток" и обрести свободу. На сотни километров кругом — болотистая тайга, изрезанная сотнями речек и речушек, полное незнание географии местности, отсутствие карты и компаса, невозможность показаться в деревнях старожилов — сразу же участковый схватит, — невозможность сесть на пароход — пропускают только по паспортам, — все это обрекало их на верную смерть в тайге от голода или болезни.

По окончании эвакуации мы с Киселевым "подбили бабки". Приняли мы 6000 человек, а отправили 2856. Остальные пошли "на распыл", "естественную трату". Киселев долго молчал, устремив взгляд куда-то за горизонт, потом сказал тихо:

"Вот, сынок, как дешева человеческая жизнь. Чтобы убить скотину, ее сначала надо или вырастить, или купить. А людей бесплатно, без всяких хлопот убивают. Смотри, берегись, держи язык за зубами, не попади в эту мясорубку. А все, что видел и слышал — крепко запомни, но никому не рассказывай, а то сразу склопочешь. Ведь доносы у нас теперь в моде, признак хорошего тона, доказательство большого патриотизма. Я уже достаточно стар и скорее всего не доживу до рассвета. А ты, чем черт не шутит, может и доживешь до иных времен, когда без

риска для жизни можно будет рассказать людям о нашем смутном и горьком времени".

9.

Вскоре после эвакуации ссыльных коменданта Цепкова сняли с работы и вызвали в Новосибирск, в Управление Сиблага. Больше о нем ни мы, сотрудники комендатуры, ни оставшиеся в Александрово члены его семьи, ничего не слышали. Вероятно, он стал "козлом отпущения". Мы искренне жалели коменданта. Он был вполне порядочный человек, участник революции и гражданской войны. Но что мы могли сделать в его защиту? Даже свои сожаления и симпатии каждый держал при себе и боялся поделиться ими с товарищами по работе.

С тех пор прошло более полувека. В молодые годы, сразу после событий, я не записал этого. Боялся: а вдруг мои записи попадут кому-то в руки... Помнил наказ моего шефа. Через тридцать лет, после прочтения "Ивана Денисовича", начав записывать, понял, что многое прочно забыл. За четыре года на фронте в голове скопилось столько новых ужасов, что те, далекие, едва просвечивали из-под них. Поэтому мои записи хоть и целиком правдивы, но далеко не полно отражают те далекие события. И хотя, кажется, пришло, наконец-то, долгожданное время, когда можно сказать правду, но я не могу побороть в себе взевшийся в душу страх. И потому прошу никому не показывать мою рукопись, пока я жив. Только после моей смерти. Это моя последняя просьба.

10.

Работа в комендатуре для меня была лишь средством скопить немного денег на будущее. После эвакуации ссыльных я уволился, очень душевно распрощался со своим шефом, и первого сентября с великим трепетом сердечным переступил порог Томского Университета, который я воспринимал как самый священный храм науки. Исполнилась заветная мечта. Еще в школе я начал пописывать стихи. Переполненный радостью и, чего греха таить, гордостью за то, что смог таки покорить такую вершину, как Университет, я написал стихотворение:

На века!

Мой дед полвека ползал на коленях,
Чтоб яблони в его саду цвели,
А в Октябре могучий русский гений
Сад заложил для всех людей Земли.
Гремели грозы градобойным смерчем
И вырвать с корнем ярились наш сад,

А он цветет, и неподвластный смерти,
Сегодня стал прекрасней во сто крат!
Но сад есть сад, и он не терпит лени,
Ему нужна хозяйская рука,
И я, как дед, готов хоть на коленях
Растить и холить сад наш - на века!

Это стихотворение стало моим кредо на всю жизнь. К сожалению, а может и к счастью, я не достиг больших высот в жизни общества, но до последних дней своих всякое дело делал от всей души, любовно, с полной отдачей духовных и физических сил. И в этом смысле совесть моя чиста, как и мои карманы. Об одном жалею и одним огорчаюсь: а ведь мог бы сделать в жизни гораздо больше! Но вины моей в этом нет. Виноват отрезок Истории Родины, в который улоскилась моя жизнь.

.....

И. Уваров

2 апреля 1988 г.

г.Энгельс